

Дмитрий
СИЛЛОВ

КРОВЬ ОХОТНИКА

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

Дмитрий Силлов

Кровь Охотника

Текст предоставлен издательством «АСТ»

<https://litres.ru/651945>

Дмитрий Силлов. Кровь Охотника: АСТ, Полиграфиздат, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2011

ISBN 978-5-17-073397-2, 978-5-4215-2020-7, 978-5-9725-2004-6

Аннотация

Вот каков он, наш мир, на самом деле. Человечество – всего лишь живой корм для нечисти – оборотней и вампиров. Эти твари беспощадно бьются между собой, однако для людей-то без разницы, кто их будет кушать. Но уже грядет расплата. Имя ей – Охотник. В его жилах течет кровь людей, ликанов и кровососов. В его сердце – беспощадная ненависть к врагам. Его жизнь – смертельная схватка с Древним Злом. Удары меча и свист заговоренных пуль. Боец спецназа Андрей Краев пришел в этот мир, чтобы вернуть его Людям! Другое название произведения: «Закон крови».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Дмитрий Силлов

Кровь Охотника

Автор выражает искреннюю благодарность замечательному писателю Александру Мазину за мудрые советы, а также Алексею Лагутенкову и Маргарите Микрюковой за помощь в создании этой книги.

Кулак, похожий на колотушку для отбивания мяса, с еле слышным гудением пронесся над моей макушкой. Поток воздуха шевельнул коротко подстриженные волосы на голове. Хорошо, что я успел присесть, – а то бы Грогги гарантированно сломал мне переносицу и отправил в глубокий нокаут. А так у меня появилось полсекунды, которых вполне достаточно для резкого прямого удара локтем в центр грудной клетки и добавки кулаком в приоткрывшуюся печень противника. Остается только уйти в сторону, чтобы безвольное тело не завалилось на тебя.

Однако тело не завалилось, а лишь крякнуло и снова поперло в атаку.

Вот черт! Он что, из железа сделан?

Мне представилась возможность это проверить – забыв об осторожности, разъяренный Грогги в погоне за мной слишком далеко выбросил вперед правую ногу. Даже если он вообще не чувствует боли и печень у него не ведает, что такое

алкоголь, то коленный сустав-то у всех одинаков.

Я от всей души всадил голенью по внешней стороне колена этого буйвола – и мысленно поздравил себя с третьей победой. Мой любимый удар сработал как всегда на отлично – нога вошла куда надо и Грогги, споткнувшись, рухнул вперед. Однако при этом он умудрился протянуть вперед свои лапы, на мою беду оказавшиеся слишком длинными. Хотя в последнее мгновение мне показалось, что они непостижимым образом удлинлись еще на несколько сантиметров.

Удар одного из кошмарных кулаков все-таки достал мою переносицу. Второй скользнул по ребрам, похоже не причинив особого вреда. Затылок упавшего Грогги окрасился кровью – но, к сожалению, это была не его кровь, а моя, хлынувшая потоком из сломанного носа.

Но бой все еще не был закончен.

Грогги, приняв кровавый душ, фыркнул и неожиданно резво попытался встать. Несмотря на коленный сустав, который ощутимо хрустнул под моим ударом. Любой другой боец с такой травмой давно бы уже корчился на татами. Надо будет потом выяснить у Папы Джумбо – что сожрал или вколол себе перед боем боец со звучным прозвищем Большой Грогги. Которого я до этого, кстати, в клубе не видел.

Тем не менее Большой Грогги поднимался с татами.

Что ж, бои без правил правил не предусматривают. Тем более что, если мой противник встанет, меня через несколько секунд вынесут отсюда вперед ногами – сломанный нос

уже давал о себе знать и головы зрителей покачивались сбоку от меня в темно-багровой дымке, словно протухшие яблоки, на закате вываленные рачительной хозяйкой в грязную лужу.

Я с размаху ударил ногой по голове противника как по футбольному мячу, метя в переносицу, – как вы нас, так и мы вам! Но багровый туман оказался обманчивым и удар пришелся на полдециметра ниже намеченной точки.

Черррт!!!!

Ощущение будто я крокодилу по пасти заехал.

Основание большого пальца проломило твердую преграду и провалилось в дыру, окаймленную осколками зубов, тут же взлохматившими кожу на пальцах ноги. После чего живой капкан захлопнулся, и я невольно взвыл от боли. Проклятые правила, запрещающие проводить бои в обуви! Теперь ноге труба! Если срочно не провести основательную дезинфекцию, бактерии с зубов Грогги вызовут острейшее инфекционное воспаление, излечиваемое только курсом мощных антибиотиков. На которые, кстати, денег нет в принципе.

Всё это промелькнуло у меня в голове за долю секунды, пока я выдергивал стопу изо рта противника. Хорошо еще, что рефлекторный спазм челюстей после моего удара не превратился в укус, которым Тайсон наградил Холифилда, – пожалуй, сомкни Грогги свои жвалы намертво, мясо с моей стопы съехало бы словно шашлык с шампура.

Между тем мой противник, мотая башкой и разбрызгивая во все стороны кровавые слюни, все еще пытался подняться

на ноги!

Да сколько ж можно?! На, получи, гад!

Еще два удара здоровой ногой прились в висок и в горло Грогги.

Всё...

Папа Джумбо бросил на меня слегка обескураженный взгляд, потом наклонился над поверженным амбалом, похлопал его черной ладонью по щеке, после выпрямился и дал отмашку – нокаут.

Обожаю Папу за этот жест! Конечно, когда он машет своими запакованными в белые перчатки граблями не над моею больной головой, безвольно валяющейся на татами наподобие сильно помятой гнилой тыквы. В таком случае уже не до обожания кого бы то ни было. Потому как мыслей нет в принципе и абсолютно все равно, куда потащат тебя два дюжих санитаров «скорой помощи», нанятых Папой за фиксированную таксу в сто долларов за вечер. Как все равно это сейчас Большому Грогги, бережно складываемому на брезентовые носилки теми самыми санитарями в несвежих белых халатах.

Но в следующую минуту у меня появился весомый повод возненавидеть чернокожего руссоамериканца до конца дней своих.

На нашем родном Папа Джумбо изъяснялся так, словно родился не в Республике Конго, а в районе Рублево-Успенского шоссе. Где у него, кстати, в настоящее время имелся

нехилый особняк стоимостью примерно в годовой доход вышеупомянутой африканской республики. Этот урод, закончив семафорить, набрал в грудь воздуха и возопил голосом, не требующим помощи мегафона:

– Леди и джентльмены! Только что вы видели убедительную победу нокаутом героя сегодняшнего вечера Андрррея Кррраева по прозвищу Лоу. Однако для того, чтобы стать обладателем главного пррриза, господину Лоу пррридется одержать еще одну победу в показательном бое с чемпионом прррошлого вечеррра Серрргеем Аррртемяевым по прозвищу Мангуууст!

Вот дьявол! Похоже, в связи с финансовым кризисом Папа Джумбо ввел новые правила. Главный приз – тысяча долларов – раньше давался тому, кто победил в финальной схватке. В предыдущих боях проигравший получал сто баксов за участие, выигравший – триста. Итого к концу вечера в случае удачи набегало девятьсот плюс тысяча премиальных. Сумма вполне подходящая для того, чтобы и травмы подлечить, и на жизнь осталось более-менее прилично. До следующего боя, разумеется.

Сегодня же для того, чтобы получить вожделенную тысячу, предлагалось повоевать с четвертым противником. Который, в отличие от предыдущих, не махался наравне с тобой, взбираясь на вершину бойцовской пирамиды, а спокойно разминался в раздевалке, лениво попинывая стокилограммовый мешок, молотя кулаками собственную тень и строя

зеркалу зверские гримасы.

Старые правила были просты – первые четыре боя проводят восемь бойцов, потом две пары, составленные из победителей, бьются во втором круге и, наконец, финальный поединок, когда оба бойца измотаны до предела, но, тем не менее, бой идет на равных. Нынче же шансы на победу были практически равны нулю. Особенно в моем состоянии...

– Конечно, победитель может отказаться от последнего поединка, – провозгласил Папа Джумбо, глядя на меня в упор. Его блестящее лицо, подсвеченное софитами, в сочетании с рыбьими глазами навывкате, курчавой седой шевелюрой и пропитанной лаком для волос мефистофелевской бородкой казалось маской африканского демона, вырезанной из черного дерева. – Но тогда финальный приз останется здесь и подождет бойца, который действительно хочет его забрать!

...Двести – врачу, двести – антибиотики, пятьсот – раздать долги. А за квартиру чем платить? А жить на что пока морда заживет и можно будет на людях показаться? Через час ее разнесет так, что родная мать не узнает.

– Так что решил наш победитель?!!!

Папа Джумбо смотрел на меня, скаля белоснежные зубы. Зрители платят за кровь, и сегодня они видели ее предостаточно. Но они хотят еще. Что ж, клиент всегда прав.

Я кивнул.

– Суперрригrrrra! – взревел Папа Джумбо.

Ему было понятно – больше минуты мне не выдержать. И я тоже это знал на сто процентов. Если сейчас, объявив перерыв, начать обрабатывать мою ногу и рихтовать портрет, то со стула я уже не встану. Потому Папа постарался не затягивать прелюдию.

– И сейчас на татами выходит – Мааангуууст!

Зрители приветствовали объявление жидкими хлопками. Многим из них вообще было впадлу лишний раз шевелиться – положение в обществе не позволяло. Закрытые бои без правил, без защитных приспособлений и без судей, до нокаута со времен римских гладиаторов были развлечением для элиты, способной платить за настоящую, не постановочную кровь.

Итак, Мангуст...

В отличие от Грогги, который непонятно откуда свалился на мою голову, о Мангусте я знал кое-что. Видел в записи пару боев этого невзрачного с виду парня. И не сказать что они меня сильно впечатлили.

Мангуст был, бесспорно, быстр и ловок, но я всегда считал, что хороший сметающий удар бойца средней весовой категории в рукопашном бою намного предпочтительнее быстрых ударов легковеса. Потому для себя я решил заранее – буду лупить «на контур» серией из цикла «куда попадешь». Отстреляюсь – и рухну, потому как на большее сил точно не останется. Тем более что в общем-то я ничего не теряю, кроме, возможно, здоровья, – деньги, заработанные за предыду-

щие бои, по-любому останутся со мной. Но будем надеяться, что Мангуст с его скоростными тычками в стиле кунг-фу не доставит мне особенных неприятностей.

Над сеткой, ограждающей татами, взлетело сухопарое тело. Красивый выход, ничего не скажешь. Может, и я бы так попробовал – разбежаться, оттолкнуться от расположенного под наклоном ограждения и, войдя в кувырок, приземлиться с эффектным выходом на ноги. Но, боюсь, сетка порвется – во мне веса, считай, на двух Мангустов хватит. Не Грогги, конечно, но и не кунгфуист с высушенным телом модели для рисунков в учебник анатомии.

Да и к тому же зачем так расходовать энергию перед боем? Хотя ему можно, он три схватки подряд через себя не пропустил, так что пусть попрыгает...

Полезно разогреть себя наигранной ненавистью к противнику, особенно когда делаешь ставку на одну-единственную минуту. Оно и боль отключает, и концентрации помогает, изгоняя из головы кровавый туман, постепенно затапливающий сознание.

Кстати, боли не было. Вообще. Ну, что сломанный нос не болит несколько минут после перелома, я помнил еще с удара коленом, полученного пару месяцев назад от заезжего тайца. А вот почему стопа не посылает в мозг истошных сигналов, мол, не ходи на мне, хозяин, а то отключишься на фиг? Я только разок глянул вниз – и поспешно перевел глаза на Мангуста, рассылающего публике воздушные поцелуи. Не

способствует как-то поднятию настроения вид собственной ноги, по которой будто небольшим плугом прошлись. И пара окровавленных костей виднеется между лохмотьями кожи. Бррр! Но – не болит! Стало быть, плевать на травмы, еще повоюем.

Двигался Мангуст легко, словно гравитации для него не существовало. Прямо летал над татами, выписывая ногами вензеля в воздухе. Этого я тоже не понимаю. Пару минут таких выкрутасов – и дышалка по-любому даст о себе знать, пусть ты даже родился в спортзале. А этот знай себе скачет, публику развлекает. Ну и пусть кувыркается, мне же лучше.

Остановился наконец. Ко мне повернулся. Улыбается, словно друга встретил закадычного. Я б тоже осклабился, мне не трудно. Только боюсь, что от напряжения лицевых мышц из носа снова кровяца хлынет – она только-только приостановилась. А вот поклониться в ответ придется – иначе сочтут полным невежей.

Я слегка качнулся корпусом вперед, и мой взгляд снова невольно упал на покалеченную ногу...

Так-так. Все несколько более погано, чем казалось на первый взгляд. Хотя и на первый взгляд вполне достаточно для легкого шока, если человек не хирург и не мясник-профессионал.

Между обнажившимися костями стопы торчал белый осколок. Похоже, Грогги оставил во мне на память существенную часть своего зуба.

Папа Джумбо перехватил мой взгляд и шагнул ко мне.

– Одну секунду, господа, – лучезарно улыбнувшись зрителям, проорал он. – У нашего героя в ногу застрял зуб его поверженного врага!

Говорят, Папа Джумбо в свое время закончил институт имени Патриса Лумумбы и заодно Первый медицинский. По этой причине он умел не только красиво изъясняться, но и по мере надобности самолично вправлять суставы, накладывать гипс и штопать раны своих подопечных. Нас то есть. За что и получил прозвище Папа.

Вот и сейчас Папа Джумбо, предупредив мое движение, быстро снял с руки белую перчатку, наклонился и своими длинными пальцами ловко извлек кусочек кости из моей раны. Ему бы не бойцовским клубом владеть, а хирургом работать – цены б ему не было. Но у каждого человека свое призвание. Папе вот, к примеру, подпольным клубом заправлять. А мне работать у него пушечным мясом...

Поток моих мыслей вдруг прервался, словно в голове кто-то взорвал небольшую вакуумную бомбу. Подобная пустота случается в двух случаях – когда ты поймал нокаут, либо когда внезапно увидел нечто из ряда вон выходящее, например экстремально красивую леди. Однако сейчас это была совсем не особа противоположного пола.

Мангуст стоял столбом, не отрывая взгляда от зуба в пальцах Папы, словно это был не фрагмент поверженного мной верзилы, а змея хрестоматийная, гремучая, двухмет-

роворостая, о двенадцати жалах. И настолько мало было в том взгляде человеческого, что я невольно поежился. Потом Мангуст медленно перевел взгляд на мою ногу.

И тут мне реально стало не по себе. Такие глаза я видел у медведя-людоеда в дальневосточной тайге, когда с бандитской пулей в бедре валялся под какой-то корягой. Зверь словно прикидывал, откуда сподручнее начать меня есть, неспешно оглядывая будущий обед с головы до ног.

Но медведь был животным, явлением хоть и смертельно опасным, но понятным. И тогда мне повезло больше, чем ему.

Сейчас же то, что я видел, не лезло ни в какие ворота.

Лисья мордочка Мангуста заметно вытянулась вперед. Гладко выбритые щеки и подбородок стремительно покрывались щетиной. А зрачки глаз стали вертикальными щелочками, более приличествующими животному, нежели человеку, пусть даже со звериным прозвищем.

Я зажмурился и тряхнул головой, прогоняя багровый туман, в котором плавало это жуткое видение. В носу возникло неприятное ощущение, словно у меня вырос небольшой хобот, – организм деликатно напоминал, что мотать башкой в моем состоянии не есть самый лучший способ отгонять от себя монстров. Но метод сработал – когда я открыл глаза, в нескольких метрах от меня стоял и улыбался Мангуст без каких-либо видимых признаков принадлежности к фауне.

Папа Джумбо поднял руку и разрубил ею воздух между

мною и Мангустом. Что ж, и вправду пора начинать, пока еще мои неоднократно сотрясенные мозги способны воспринимать более-менее объективную информацию, а бред генерируют лишь эпизодически.

Я шагнул было вперед, поднимая кулаки на уровень лица, – и только-только успел отпрянуть в сторону от летящей на меня смазанной тени, в которую превратился Мангуст. Такого я на записях его боев не видел. Быстр, да, но не настолько, чтобы становиться почти невидимым при перемещениях в пространстве...

Мало кто смог бы уйти от такой атаки без ущерба для себя.

Пальцы Мангуста, согнутые и жестко зафиксированные в положении «лапа леопарда», летели мне в горло. И не отклонись я в сторону чисто на автомате, валяться бы мне сейчас на татами с разбитым кадыком, хрипя и пытаюсь протолкнуть в легкие последнюю в моей жизни порцию воздуха. Но меня спасли рефлексы, наработанные за долгие годы, и большой палец противника лишь зацепил и распорол кожу на шее.

Я почувствовал, как тёплое потекло мне на грудь.

Так, еще одна дыра в моем организме за сегодняшний день. Пальцем он вряд ли мог сделать такое, скорее всего, специально ногти отращивает и укрепляет по методам «звериных стилей». В древности китайские ниндзя из клана Линь Гуй смазывали ногти ядом. Слегка царапнул врага – и

привет. Хотелось бы верить, что Мангуст не настолько продвинулся в освоении ударов «лапой леопарда».

Однако мне следовало пошевеливаться – промахнувшись, мой противник уже разворачивался для новой атаки.

Кровь из порванной шеи, как ни странно, добавила мне сил – мозг затопила холодная ярость. Парень явно собирался убить меня своим ударом, чего даже в подпольных боях без правил бойцы стараются не допускать.

Что ж, коли так – не обессудьте...

Я почувствовал, как все человеческое покидает меня, словно воздух проколотую шину. Пятая степень жесткости атаки. Состояние берсерка¹. Когда то, что ты делаешь, от тебя не зависит. Плохое, очень плохое состояние для продвинутого бойца. Бесконтрольная атака на уничтожение. Потом ты вряд ли вспомнишь, что делал и как так получилось, что твой противник валяется на полу, корчась от боли или еще хуже – в виде изуродованного куска мяса без признаков жизни. И потом тоже будет плохо – как от осознания того, что ты наделал, так и от последствий перерасхода нервной энергии.

Но краем сознания я все-таки фиксировал происходящее, словно вися в паре метров над татами и наблюдая за боем немного со стороны. Такое тоже бывает. Кто-то из моих многочисленных тренеров говорил, что в подобном состоянии

---

¹ Берсерк (старонорвежск. berserkr, «медвежья шкура») – в древнегерманской и скандинавской мифологии воин, в приступе боевого безумия способный превращаться в медведя.

из человека выходит душа – и отдельные личности в древности могли видеть эти души. А потом те личности называли себя скальдами и сочиняли саги про валькирий, мечущихся над полем боя и собирающих души убитых. Хотя, думаю, души берсерков, которых принимали за тех самых валькирий, не охотились за подобными себе, а просто старались в пылу битвы не проворонить собственную воющую плоть, в которой не осталось ничего человеческого...

Оставляя на полу кровавые следы, я перемалывал пространство перед собой сметающими ударами конечностей наподобие гигантского вентилятора. Как ни был быстр Мангуст, но попадать под такую молотилку в его планы не входило. Потому что никаким блоком не остановить удар, в который вложена масса всего тела, – сметет вместе с блоком. Остается только уходить, маневрировать... и ждать, когда у противника кончатся силы, и он превратится в безвольный мешок из мяса и костей, перерасходовав все допустимые резервы организма.

Но на татами, огороженном стальной сеткой, особо не поманеврируешь – места не хватит. Загнанный в угол Мангуст высоко подпрыгнул, рассчитывая перелететь через меня... и это ему удалось. Однако в момент, когда его ноги коснулись татами, сверху на него обрушился «хаммер» – удар-молот, которым бойцы российского спецназа крушат стопки кирпичей на показательных соревнованиях.

«Хаммер» пришелся по ключице Мангуста. Ребро кулака легко сломало хрупкую косточку и провалилось в мясо. Второй удар – по затылку. Третий – в лицо...

Тело Мангуста сотрясалось под градом ударов. Другой бы уже давно валялся в нокауте, но худой кунгфуист лишь покошачьи изгибался, пытаясь уйти от атак, словно в его теле вообще не было костей...

Внезапно картинка смазалась, и я осознал себя в собственном теле.

Я лежал на спине, воткнувшись лопатками в жёсткий японский мат, мои ноги были сцеплены в борцовский захват, а на моем бедре лежал локтевой сустав Мангуста. Обхватив обеими руками его предплечье, я давил книзу, преодолевая силу, которой не может, просто не может быть в руке человека, ломаемой в таком положении.

Я уже видел краем глаза, как медленно, слишком медленно рванулся в нашу сторону Папа Джумбо, стремясь предотвратить фатальную травму...

Но Мангуст не сдавался. Он рванулся, с нечеловеческой силой выдирая руку из захвата, – и мне ничего не оставалось, как прогнуться «мостиком», ставя в нашем поединке логическую точку.

Послышался слабый хруст, рука противника провисла плетью – и тут я ощутил резкую, нестерпимую боль в области икроножной мышцы. Рефлекторно дернувшись, я увидел, что Мангуст висит на моей ноге, вцепившись в нее зу-

бами, словно бультерьер, и жует мое мясо, перехватывая его челюстями и стремясь захватить побольше.

Я резко согнулся, обхватил голову противника и вдавил большие пальцы ему в глазницы. Бесполезно. Я видел, как из уголков его рта брызжет алая артериальная кровь. Моя кровь. Которой я за сегодняшний день и так потерял слишком много. Тварь, грызущая мое мясо, убивала меня, и мне больше ничего не оставалось делать, как резко протолкнуть пальцы в глубь ее черепа.

Над татами разнесся утробный, нечеловеческий вой. Это орал Мангуст, у которого вдруг резко пропал интерес к моей ноге. Потому что собственные глаза всегда важнее чужих конечностей. Чем я и воспользовался. Я полз по татами, потому что у меня уже не было сил подняться, а сзади меня выл-стонал Мангуст. Точно так же, как несколько лет назад в дальневосточной тайге стонал медведь-людоед, в глаз которого я вогнал свою последнюю пулю.

Меня рвали на части десятки жутких тварей с горящими глазами. Казалось, будто в их черепа кто-то вмонтировал по паре ярчайших фонариков, при помощи которых они вполне успешно выискивают на моем теле наиболее аппетитные куски мяса. Несколько странно видеть, как из тебя выдирают шматы плоти, хорошо тебе знакомые, которые ты привык мыть, греть, одевать, холить и лелеять. Оказывается, все это делалось много лет лишь для того, чтобы какая-то собакооб-

разная скотина откусывала их от тебя и с задумчивым видом гурмана проглатывала, прикрывая при этом свои фонари лишними ресниц веками и анализируя степень благотворного воздействия данной пищи на ее омерзительный организм.

Какой-то особо отвратный гад, сильно похожий на зубастый полуразложившийся труп, повис на моем предплечье и глодал его, словно давно некормленный цепной пес. Мяса на руке уже почти не оставалось, но пошевелиться я не мог, и потому ничего мне больше не оставалось, как безучастно наблюдать за пиршеством.

Казалось бы, какая разница, кто именно тебя сожрет? Но все равно лично я бы предпочел, чтобы в данном критическом положении меня кушал не мертвец со стажем, а хотя бы вон та белая волчица, которую, наверно, оттерли от пиршества более крупные и нахальные сородичи. Она, обернув лапы хвостом, сидела столбиком в сторонке и наблюдала за происходящим. Почему-то мне показалось, что в ее глазах имелась некоторая толика сочувствия. От которой сострадание к самому себе проснулось и у меня. Вместе с некоторыми двигательными способностями.

Наиболее отталкивающим был, несомненно, протухший кадавр. Потому я с него и начал.

Рванувшись всеми оставшимися костями, я немного высвободил руку из его хватки и со всей мочи треснул сжатыми в кулак фалангами по проваленному носу. Кадавр взвыл, взлетел в воздух, завис надо мной и вдруг весьма чувстви-

тельно отвесил мне с левой ноги увесистую пощечину. Я попытался отловить летающий труп за конечность, но вторая убедительная пощечина заставила меня отказаться от своих намерений.

И заодно осознать, что зверообразные твари есть не что иное, как разводы на полуоторванных обоях, а летающий труп – лишь тень на потолке от дерева, растущего за давно не мытым окном.

Но на границе перехода от сна к действительности человеческий мозг еще не может адекватно воспринимать ни то ни другое. Потому, когда откуда-то слева ко мне качнулась абсолютно черная тень, я на полном серьезе на мгновение воспринял ее как продолжение кошмара и заорал, готовясь пнуть инфернальное существо изо всей дурацкой мочи. Получилось не очень – из груди вырвался придушенный хрип.

– Не ори, – сказала инфернальная тень, сверкнув ослепительно-белыми зубами. – Не дома.

Тень говорила голосом Папы Джумбо, и это меня несколько успокоило.

– А почему... не дома? – спросил я, с трудом ворочая шершавым языком.

– По кочану, – ответил адаптированный к русскому сленгу уроженец Республики Конго. Он подошел к окну, осторожно выглянул на улицу, после чего задернул линияющую занавеску и включил свет. – Не хрена тебе там делать.

Объяснение показалось мне недостаточно аргументиро-

ванным и я озвучил свои сомнения.

– Почему не хрена?

Вместо ответа Папа Джумбо опустил в недовольно скрипнувшее кресло совковых годов выпуска и некоторое время задумчиво смотрел на меня, облокотившись на подлокотник и подперев кулаком квадратную челюсть. После чего, вздохнув, протянул руку к тумбочке, сработанной из кондовой советской ДСП, выдвинул верхний ящик и извлек оттуда деревянную коробку, спички и причудливо изогнутую черную трубку. Откинув резную крышку, Папа набил трубку сыпучей смесью, поджег и принялся неторопливо раскуривать. Я терпеливо наблюдал за процессом, справедливо полагая, что до его окончания Папа будет нем как истукан, сработанный из мпинго, легендарного черного дерева его родины.

Такой истукан стоял в углу комнаты и неодобрительно смотрел на меня слегка выпученными глазами. Справа от истукана на стене висела африканская маска, утыканная перьями и хвостами, за которыми угадывалась жуткая гримаса раскрашенной личины.

В принципе, я уже несколько месяцев знал Папу Джумбо – и в то же время ничего не знал о нем, как работник зачастую весьма мало знает о том, чем занимается начальство в свободное время. Да и вряд ли можно было назвать Папу начальством.

Когда закончился мой контракт и отцы-командиры не захотели его продлить ввиду исключительной вредности мое-

го характера, мне ничего не оставалось, как вернуться в родную столицу. Которая, увы, не встретила ветерана спецназа с распростертыми объятиями.

Навыки рукопашного боя и ёмкая биография – детство, школа, кикбоксинг, училище, сават, чемпионат, десант, контракт – несомненно, вызывала определенное уважение у тех, кто ею интересовался, листая мою трудовую книжку. Но дальше пролистывания дело не заходило. Работодатели в условиях наступившего финансового кризиса либо предлагали слишком мало, либо хотели слишком много, предлагая при этом условия лишь немногим лучшие. Обзвон друзей-знакомых, дембельнувшихся ранее, результатов не дал – бывшие товарищи по оружию либо сами находились в незавидном положении, либо оставленные ими телефоны оказывались неактуальными.

Последним тогда я набрал телефон Руса, бывшего командира моего отделения. И не потому, что в списке «друзья» Руслан Бельский стоял последним. Скорее, в этом контексте его надо было набирать первым. Но просто я был уверен, что Рус до сих пор считает, будто обязан мне жизнью. И при таком колленкоре беспокоить его просьбой о помощи с моей стороны – последнее дело. Но в той ситуации это и вправду было для меня «последним делом». Дембельский гонорар был добросовестно проеден, и я, отвыкший от реалий гражданской жизни, совершенно не представлял, как сейчас такие как я зарабатывают себе на жизнь.

Рус поднял трубку после первого же гудка, словно ждал моего звонка, – и искренне обрадовался. Дембельнулся он на два года раньше меня по ранению, вследствие которого должен был ходить всю жизнь на костылях или кататься на инвалидной коляске – кстати, еще одна причина, по которой напругать парня своими проблемами решительно не хотелось. Но не успел я сказать «приветстариккакдела», как Рус перебил меня самым бесцеремонным образом, радостно заорав в трубку:

– Краев, ты? Наконец-то! Ты в Москве? Давно? С полмесяца? А какого хрена не звонил? В общем, так, хватай тачку и мухой на «Белорусскую»! Встречаемся в «Колхи» через час!

Выяснив, что «Колхи» это «так, один кабак», я выскреб из кармана мелочь и, решив, что метрополитен имени Ленина есть в моем положении оптимальный аналог «тачки», поплевал на ладонь, пригладил отросшие за две недели волосы и, таким образом покончив с приготовлениями, выехал на randevu.

«Так, один кабак» оказался роскошным рестораном, занимающим аж два этажа. Возле входа во дворе стояли рядком как на выставке «Х5», «Х6», пятисотый «Мерин» и «Майбах». Швейцар-охранник в кавказском национальном костюме с кинжалом на поясе, больше напоминающим короткий меч, подозрительно окинул взглядом мой пятнисто-камуфлированный прикид и гортанно спросил «у вас заказа-

но?»». Взгляд мне не понравился, но, памятуя свое нынешнее социальное положение, я выдавил из себя «меня Бельский ждет».

Тогда мне показалось, что на охранника вылилось невидимое ведро благодати, настолько умильной стала его разбойничья физиономия. Меня чуть не на руках препроводили на второй этаж, где в отдельной кабинке, пригодной для приема целого взвода бойцов, за необъятным столом в обществе фигурной бутылки «Hennessy Paradis» скучал мой боевой товарищ. Ожидаемых костылей рядом с ним не наблюдалось. Зато на нем наблюдался дорогой костюм, а на пальце – перстень с крупным черным камнем.

Не привыкший к таким заведениям, я и так чувствовал себя как слон в посудной лавке. Но внешний вид Руса, пружинисто выскочившего из-за стола и с довольной рожей принявшего трясти мою руку и хлопать по плечу, привел в окончательное изумление. Я ожидал увидеть калеку в дешевой закуской, а вместо этого из меня в дорогом ресторане с неожиданной силой вытрясал душу загорелый бизнесмен без малейших признаков застарелых увечий.

Когда у Руса несколько иссяк фонтан дружеских чувств, я, потирая слегка помятую кисть, наконец, уселся на широкую лавку с подушками. После чего был немедленно накормлен шашлыками (что было весьма кстати) и напоен коньяком, цена которого была недоступна моему пониманию.

Более того – в кабинку зашел плечистый мужик в дорогой

джинсе и, вежливо поздоровавшись, спросил у Руса:

– Все ли в порядке, господин Бельский? Вы и ваш друг довольны?

– Спасибо, Георгий Николаевич, всё как обычно замечательно, – кивнул Рус.

– Ну, тогда не смею больше беспокоить, – улыбнулся мужик. – Хорошо вам отметить встречу.

– Кто это? – спросил я, когда джинсовый дядька вышел из кабинки.

– Хозяин ресторана, он из наших, – небрежно бросил Рус. М-да... Если Бельский хотел произвести на меня впечатление своей крутостью, то ему это удалось в полной мере.

Пара часов протекла незаметно в воспоминаниях и тостах. Наконец, когда поток взаимных эмоций немного иссяк, я рискнул поинтересоваться:

– Рус, но ты же...

– Должен быть в инвалидной коляске и побираться на улице? – хмыкнул мой боевой товарищ, сверкнув белоснежными зубами. – Должен. Но можешь считать, что мне повезло. Второй раз в жизни. Первый раз друг жизнь спас, второй – после дембеля не забыли старые друзья, помогли подняться.

– Да ладно, заканчивай, – махнул я рукой. – Сколько можно уже «жизнь спас, жизнь спас»? Будь ты на моем месте, сделал бы то же самое.

Рус покачал головой, потом провел растопыренной пятерней по короткостриженным волосам от лба к затылку – жест-

паразит, когда-то давно позаимствованный у командира подразделения. У меня то есть. Отмазки ради упомянутый командир утверждал, что после этого ему лучше думается. Судя по результатам, на гражданке данный жест пока что помог Русу лучше чем мне.

– Но тогда ты оказался на том месте. И я этого не забуду.

Я вздохнул. Бойцы спецназа порой склонны к некоторой сентиментальности в отношении таких моментов, и, похоже, в случае с Русом я стал ее жертвой надолго.

– Потому есть предложение, – сказал Рус, обозначив на лице непреклонную решимость затащить меня в какую-то авантюру. – Думаю, с деньгами у тебя не очень. Потому давай прямо завтра за тобой заедет мой водитель, и я повезу тебя знакомить с вожаком клана.

– С кем? – удивился я.

– Ну, это мы шефа так зовем, – слегка смутился Рус. – Я тебя отрекомендую как полагается и попрошу, чтоб он разрешил нам вместе работать. Думаю, он не откажет.

– А чем заниматься надо? – осторожно поинтересовался я.

– Торговля сопутствующими товарами, – ухмыльнулся бывший командир отделения моего взвода. – И ликвидация проблем с конкурентами.

– Товарами, сопутствующими чему? – уточнил я.

– Сопутствующими запросам тех, кто живет и дает жить другим, – туманно объяснил Бельский. – Да ты не замора-

чивайся. Пока в офисе пооботрешься, вникнешь в систему, доверие коллег приобретешь, а через пару недель...

Рус пошевелил пальцами в воздухе, подбирая слово.

– ...ну, в общем, через пару недель мероприятие будет ежемесячное, типа корпоратива, все наши соберутся. Там и иници... в общем, введу тебя в круг.

Что-то не нравились мне все эти мутные Русовы «кляны», «круги» и мероприятия, замешанные на «сопутствующем товаре». Чисто интуитивно не нравились. Вполне может быть, что еще не адаптировался я к современной городской жизни, не понял, так сказать, своего счастья. Но вот так резко и с ходу влезать в сомнительные мероприятия как-то не хотелось. О чем я и сказал своему бывшему подчиненному.

– Почему-то я так и думал, – вздохнул Рус, разливая пахнущую шоколадом золотисто-коричневую жидкость по рюмкам уже из третьей бутылки. – Хотя оно и понятно. Я тоже со службы таким же вернулся. С полгода в себя приходил, пока разобрался, что к чему в современной жизни. Так что – понимаю. Как и то, что с нашими навыками и биографией мы никому здесь на фиг не нужны. Разве только в охрану или в киллеры...

Рус задумался на миг, а потом прищелкнул пальцами.

– Есть одно место, – сказал он. – Как раз по тебе. Сплошной экстрим. Деньги, конечно, не те, что нашему брату по статусу положены, но жить можно. На первое время хватит, пока не созреешь до принятия правильного решения. Завтра

с тобой свяжутся. А это – подъемные на первое время.

Рус снова сверкнул своей голливудской улыбкой, после чего на стол мягко, словно большая зеленая жаба, шлепнулась толстая пачка стодолларовых купюр.

– И даже не вздумай отнекиваться, – предвидя мои возражения, сказал Бельский. – Все равно ж ты рано или поздно надумаешь со мной работать, так что считай это первой недельной зарплатой.

– Ничего себе у вас недельные зарплаты, – произнес я, пряча деньги в карман камуфлированных штанов. – А если не надумаю?

– Надумаешь, – утвердительно сказал мой бывший подчиненный. – Надоест ногами махать – звони. Причем учти, эти подъемные только начало. Дальше будет все гораздо интереснее. А пока давай еще по одной...

Назавтра со мной действительно связались. Так я познакомился с Папой Джумбо. Тем самым чернокожим эксплуататором, что сейчас сидел напротив меня, пуская клубы ароматного, пахучего дыма, от которого у меня потихоньку начало звенеть в голове.

Я приподнялся на локте, собираясь что-то сказать... но неожиданно понял, что у меня во рту обнаружился инородный предмет. Я замер и катнул тот предмет языком. По спине поползли холодные мурашки. Это был мост аж на четыре зуба, поставленный мне совсем недавно в американском стоматологическом центре.

Рассудив, что здоровье – прежде всего, задаток Руса почти полностью я вложил в зубы, которые от нервов и консервов, сопутствующих солдатской жизни, были в довольно плачевном состоянии. Потому сейчас в душе моей рождался утробный стон при мысли, какую сумму в твердой американской валюте я шевелю сейчас языком.

Наконец, решившись, я плюнул в ладонь – и в полумраке комнаты принялся рассматривать неожиданный сюрприз.

Мудрые американцы, посмотрев на костяшки моих кулаков и шрамы на портрете, прежде чем начать формировать мне голливудскую улыбку, поинтересовались родом занятий потенциального клиента. И, узнав, сообщили, что в силу моей профессии гарантий на свою работу дать не могут. То же самое мне сказали до этого в двух стоматологиях, потому я и согласился. С моей разбойничьей рожой пытаться выдать себя за клерка, который «опасен, но зато свободен», можно даже и не пытаться. И вот он результат...

Внезапно вчерашний вечер в подробностях нарисовался в моей памяти. Утробный стон, до этого сдерживаемый, вырвался наружу в виде протяжного «Тввою мать!».

Латаный-перелатаный плед, прикрывавший мои ноги, полетел в сторону. Так и есть, нога забинтована до колена, только кончики пальцев виднеются.

– И на шее, – подсказали с кресла.

Точно. Мангуст же меня еще и по шее ногтями полоснул. Я рывком сел на кровати, больше напоминавшей фанер-

ный ящик для продавленного пружинного матраса. Кровать недовольно скрипнула и угрожающе качнулась на тонких ножках немодного квадратного сечения. Как и вся мебель в данной комнате, она была сильно пожилой и явно не рассчитанной на нервные телодвижения полновесных экс-бойцов русского спецназа.

Шея... Так и есть – в бинтах. А нос? Сейчас морда должна быть как у поросенка, которому двинули кувалдой в пятак. Ломали не единожды, знаю. Ох, твою мать! Сходил, называется, подраться, деньжат подзаработать... Да на фоне этих разрушений Папины девятьсот баксов это даже не прожиточный минимум, а слезы крокодилы. Даже если он расщедрится и призовую штуку набросит... Хотя вряд ли – если исходить из правил, то ничья получилась, я небось еще раньше Мангуста отрубился. В общем, не заработок вчера получился, а сплошные убытки. За одни антибиотики сколько отдать придется – если, конечно, не подделку покупать, а нормальные лекарства брать в хорошей аптеке. Ну, дырки в ноге сам зашью, не впервой. Еще надо бы глянуть, что там Грогги с Мангустом нажевали. Помнится, с виду оно выглядело не особо аппетитно.

Я попытался пошевелить пальцами на покусанной ноге. Получилось. И то хлеб, значит, сухожилия не задеты. Да и не болит вроде... Может, какое обезболивающее ввели?

Папа перехватил мой вопросительный взгляд и криво усмехнулся полными губами. При этом трубка в уголке его

рта качнулась, поставив в воздухе дымную галочку.

– А теперь снимай, – сказал Папа Джумбо.

– Что «снимай»? – не понял я. Из одежды на мне были только трусы-боксерки, в которых меня, наверно, и увезли с татами, не удосужившись одеть во что-нибудь более существенное.

– Бинты снимай, – уточнил Папа.

– перевязка, что ли, будет? – не понял я, ища взглядом если не сестру милосердия, то хотя бы необходимый минимум медицинских принадлежностей. Но, кроме деревянного божка, убогой мебели и моего работодателя, в комнате больше ничего не наблюдалось.

– Не будет, – сказал мой немногословный работодатель. – Просто она тебе на фиг не нужна.

Насчет этого у меня имелись сильные сомнения. Я ясно помнил, как выглядела моя нога, надкушенная Грогги и практически доеденная Мангустом. И некоторый опыт локальных боевых действий подсказывал мне, что когда у тебя из стопы выглядывает кость, то быть ей упакованной в бинты еще как минимум с неделю. Может, я больше чем одну ночь провалялся без сознания? Да нет, вон отрывной календарь на стене, судя по которому все произошло вчера.

Перехватив мой взгляд, Папа развеял мои сомнения уже несколько раздраженным голосом:

– Вчера все было, вчера. На мою голову. Короче, двигай в ванную, снимай там бинты, потом иди сюда, говорить будем.

– А в бинтах нельзя? – на всякий случай поинтересовался я.

– Бессмысленно, – ответил Папа. – Не поверишь.

И снова вплотную занялся трубкой.

Курил он что-то такое, за что, наверно, простой укурыйш продал бы душу не задумываясь. Пробовал я как-то – Папа по доброте душевной после одного боя угостил. От его «табачка» в отличие от водочной альтернативы, распространившейся за последние лет пятнадцать по всему бывшему СССР, ты временно не превращался в дебила, а скорее ощущал прямо противоположный эффект – голова становилась легкой, и мысли плавали в ней свободно, словно золотые рыбки в аквариуме. Причем мысли полезные, нужные и важные. Которые в обычном состоянии не приходят как ни тужься, разве только «задним умом» по прошествии времени. Когда они в принципе уже и на дух не нужны.

Конечно, Папин «табачок» в определенной мере штука полезная, однако во второй раз я бы его пробовать не стал. Любая химия рано или поздно на мозгах скажется, за время службы насмотрелся на всяких-разных любителей отрешиться от мира сего. И даже если ты с той химии сегодня шибко умный, то рано или поздно настанет обратный эффект. Компенсаторный, так сказать. По мне, уж лучше сто граммов для настроения опрокинуть. Это по-нашему. Да и давно известно – что афророссиянину хорошо, то просто россиянину – лучше не надо.

В душевной комнате последствия Папиного очищения мозгов сказывались особенно сильно – в голове звенело уже не на шутку. Потому я поспешил последовать совету мудрого работодателя и направился в коридор.

В коридоре обнаружился висящий на вбитых в стену крюках ржавый велосипед, несколько тазов разных размеров, одетых друг на друга по принципу матрешки, гора сильно ношенной обуви, соседствующая с кучей неопределяемого хлама, идентифицировать отдельные элементы которого в полутьме было сложновато. Хозяева явно сэкономили на электричестве – света одинокой, засиженный мухами лампочки под потолком хватало лишь для того, чтобы не свернуть себе голову в поисках рекомендованной ванной комнаты.

Дверей в коридоре было три, все крашенные когда-то желтой, потемневшей от времени и местами облупившейся краской. На одной из них была приклеена доисторическая пластмассовая табличка, изображающая писающего мальчика, что определяло находящееся за дверью помещение как санузел. Из-за второй раздавался здоровый храп, исполняемый дуэтом. Рассудив, что вряд ли найдутся охотники спать вдвоем в ванной, я открыл третью дверь – и не ошибся.

Щелчок выключателя, расположенного рядом с косяком, оживил лампочку, аналогичную коридорной как по мощности, так и по следам мушиного внимания. Джакузи с гидромассажем в данном помещении, естественно, отсутствовало. А присутствовали в нем лишь старая чугунная ванна с чер-

ными пятнами на месте отбитой эмали, треснувшая раковина в буро-коричневых разводах и большое зеркало, на удивление целое, но с толстым налетом застарелой грязи по краям и тусклым пятном посередине, худо-бедно отражающим окружающую действительность.

Честно говоря, я ожидал увидеть в зеркале все что угодно, но только не своё абсолютно целое лицо без малейших признаков новой травмы. На всякий случай я протер зеркало чьей-то несвежей рубашкой, валявшейся в ванне, после чего тщательно вымыл руки. Это несложное действие немного вернуло меня в реальность, но к разгадке не приблизило. Потому как если вчера вечером ты явственно ощутил удар по фейсу и хруст ломающейся спинки носа, то на следующее утро ты ну никак не можешь выглядеть выспавшимся, отдохнувшим и, ну разве что, основательно небритым.

– Мистика какая-то, – пробормотал я, в который раз уже ощупывая лицо. – Привиделось вчера всё, что ли? Или сегодня мерещится?

Нет, шрамы от старых травм были на месте. Честно говоря, рожа еще та. Некоторым девчонкам нравится, но большинство пугаются. Бледно-розовая полоса на левой щеке протянулась от края рта до уха – памятка от одного трёхнутого любителя ножей, нанюхавшегося дури и захватившего в заложники семью соседа. Ну и чуть выше звездообразный шрам на той же щеке – принятая мордой пуля снайпера, которая выбила три зуба и вылетела через раззявленный в кри-

ке рот – это я на захват вражьей силы в атаку шел. Полезно, знаете ли, иногда ходить в атаку, пугая врага утробным рёвом. Была б пасть закрыта, думаю, с нижней челюстью пришлось бы расстаться. Так что фотографироваться я предпочитаю в профиль.

Вот такой колоритный тип смотрел на меня из зеркала, трогая себя за отнюдь не греческий нос, неоднократно ломанный спарринг-партнерами и оттого кривой как турецкий ятаган. Но на этот раз он был абсолютно цел, без малейших следов вчерашней попытки Большого Грогги окончательно превратить его спинку в подобие ленты Мёбиуса. А может, я просто сейчас валяюсь на том же самом ринге в полной отключке и мне все это мерещится?

Я обвел взглядом ванную. Да нет, такой срach вряд ли придумает даже самое больное воображение. Стены, выложенные дешевым кафелем, наверно, когда-то были белыми. Сейчас же они настолько основательно заросли грязью и водным камнем, что под налетом было затруднительно разглядеть швы между плитками. Смеситель с обломанным вентиляем, шланг душа без лейки, валяющийся прямо в ванне, чей-то рваный носок на полу, вонь как в бомжатнике, вьевшаяся в стены... И здесь люди живут. Тьфу!

Вместе с плевком из моего рта вылетел белый твердый предмет.

Так-так, все-таки для моего здоровья вчерашнее мордобитие не прошло даром. Помимо моста еще и коронка сле-

тела.

Признаться, в глубине души я ощутил что-то похожее на радость – все-таки какое-никакое, но объяснение происходящих метаморфоз. Конечно, мало радости снова идти сдаваться стоматологам – жужжание бормашины с детства вызывает во мне желание куснуть врача за руку – но, согласитесь, жить намного легче, когда ты в состоянии объяснить происходящие с тобой чудеса. Это ж не «желтая пресса» про инопланетян пишет, это твое собственное тело вытворяет вещи странные, необъяснимые. А так все понятно – дали в зубы, посыпались коронки...

Я приподнял верхнюю губу, ожидая увидеть под ней пару дыр на месте утраченных зубных протезов... и застыл в недоумении.

Дыры были. Только из тех мест, где полагалось быть лишь голым деснам, торчали белые шпеньки, которым быть там вовсе не полагалось. А обточенные зубы, с которых те протезы благополучно слетели, стали заметно толще и уже мало отличались от здоровых. То есть получается что? Коронки слетели не от ударов, а от того, что их стряхнули с себя... растущие зубы?

«Зубы растут. У меня растут новые зубы. Зубы у меня...»

Набор абсолютно дебильных мыслей крутился в моей голове словно заезженная пластинка. А какие могут быть мысли у человека, увидевшего такое? Правильно, никаких. Или вот такие, как у меня.

«Зубы...»

Я поднял руку и, плохо соображая что делаю, взял двумя пальцами и потянул второй мост – давнюю память об ударе мордой о гимнастический брус на школьном уроке физкультуры. Мост снялся свободно, словно крышка с чайника. В зеркале краем глаза я увидел лицо полного идиота, и меня это несколько отрезвило.

– Всё в порядке, спецура, – сказал я отражению, усилием воли возвращая мышцы лица в приличествующее случаю выражение. Ага, вот так нормально – портрет человека, лицом к лицу встречающего неожиданные выкрутасы своего организма. Так же, как тяготы и лишения сначала службы, а теперь вот – окружающей действительности.

На всякий случай я открыл кран и тщательно прополоскал рот водой, после чего еще раз не менее тщательно вымыл руки. Всегда был – возможно излишне – брезглив и не понимал, как люди могут жить в такой грязище, что, дотрагиваясь до выключателя, мысленно подсчитываешь количество микробов, переехавших с кнопки к тебе на палец. А тут как-никак после выключателя в рот теми пальцами лазил...

Признаться, меня не столько заботил моральный облик аборигенов, сколько я серьезно опасался занести не только в рот, но и в рану какую-нибудь гадость. Тем более что перевязку ноги сделать было нечем, разве что трусы на полосы порвать.

Трусы было жалко – без них современному мужику жи-

вется как-то неуютно. К тому же появилась у меня безумная надежда, что если таким вот чудесным образом мой портрет остался неповрежденным, то, глядишь, и нога цела осталась?

Разматывал я бинт осторожно, поставив пятку на край ванны. Потому как знал по себе: при первой перевязке отдирать присохший бинт от раны – занятие не из приятных.

Рана всё-таки была – под первыми двумя слоями бинта обнаружались кровавые пятна. Так. Ладно. Прорвемся. Может, показалось вчера насчет кости? Может, вражьи дети только шкуру подпортили, а мышцы целы-невредимы?

Первый оборот. Второй. Третий... Третий пошел сложнее – спекшаяся кровь слепила бинт. Ага, а вот и салфетка марлевая на том месте, где мне Мангуст икру глодал... Судя по тому, что вся салфетка – один бурый спекшийся прямоугольник, все же придется орать дурниной, сдергивать с кресла кайфующего Папу и требовать свежий бинт.

Но прежде все-таки нужно посмотреть, что же под бинтом.

Если нет под рукой фурацилина или хотя бы кипяченой воды и присохший перевязочный материал нечем отмочить, то рвать надо сразу. Иначе, если рана серьезная, при медленном отдирании бинта можно и болевой шок схватить. Потому я взялся за край салфетки, выдохнул и, зажмурившись, дернул со всей силы.

Что за черт?

Ощущение было будто пластырь с ноги сорвал. Непри-

ятно, конечно, но, когда с раны кровавую заплатку рвешь, оно в разы неприятнее – если, конечно, этим словом можно обозначить раздирающую боль, сравнимую по впечатлениям с отрыванием по живому фрагмента собственной кожи. А тут...

Я открыл один глаз. Посмотрел на рану. Выдохнул. И забыл вдохнуть.

Раны не было.

На том месте, куда вчера впились зубы обезумевшего Мангуста, была тонкая сеточка розовых шрамов, обрамленных каймой запекшейся крови. Такие отметины могут появиться на теле через месяц после удачного заживления серьезной дыры в мясе. Но никак не на следующий день!

Я осторожно провел пальцем по бурой корке, ковырнул ее ногтем, лизнул палец. Свежая, максимум вчерашняя кровь без признаков разложения. И шрамы рядом с ней без признаков отметин от хирургических швов, хотя такие раны шить надо обязательно.

Невероятно!

Стопу я размотал гораздо быстрее, сорвал такую же пропитанную засохшей кровью марлю – и обалдел окончательно.

Здесь было почти то же самое. Почти – да не совсем.

Видать, мышцы челюстей Мангуста были немного послабее, чем у Грогги. Мангуст скорее жевал мою ногу, разрывая кожу и полосуюя мышцы. А Грогги, рефлекторно сомкнув

челюсти после моего удара, хватанул вглубь, на всю длину зубов – хорошо, что башкой не успел мотнуть, а то бы просто откусил полстопы. Потому рана еще не успела затянуться до конца, оставив на коже розовый след, в самой середине которого пока что имелся небольшой кровавый участок, напоминающий ножевую рану. Но и тот затягивался прямо на глазах, словно с двух его концов кто-то тянул за невидимые язычки двухсторонней молнии.

Я наклонился ниже, борясь с отвращением. Наверно, что-то похожее испытывала бы та кучерявая тётка из фильма «Чужие», когда в ней завелся космический ящер – если б, конечно, фильм не был фантастикой. А то, что происходило со мной, являлось объективной реальностью.

Не то чтобы я сильно переживал по поводу того, что моя нога не изжевана в двух местах, а находится в конечной стадии регенерации. Напрягал сам факт регенерации – с какой это радости у меня открылись такие кинематографические способности? С того памятного момента, когда я обнаружил, что Дед Мороз это Семен Игнатьевич с соседней квартиры, в чудеса я не верил. Потому оставалось принимать происходящее как данность. Либо пойти в соседнюю комнату и послушать, что скажет по этому поводу Папа Джумбо, который явно неслучайно отправил меня в ванную снимать бинты.

Бросив окровавленные тряпки в ванну, я еще раз посмотрел в зеркало. Так и есть – под впечатлением происшедшего я совсем забыл о царапине, нанесенной мне Мангустом.

Естественно, что на ее месте тоже был практически незаметный шрам.

– Ну-да... – протянул я, после чего почесал тонкую розовую полоску под челюстью и вернулся в комнату, стараясь по пути наступать босыми ногами на свободные от хлама участки. Несмотря на вновь открывшиеся способности, лишний раз ловить пяткой плохо забитый гвоздь или осколок бутылки как-то не хотелось.

Папа Джумбо сидел в кресле в той же позе.

– Ну как? – невозмутимо спросил он.

– Впечатляет, – признал я, усаживаясь на кровать и демонстративно шевеля пальцами на ноге. – А как это?

– Это еще долго, – сказал Папа. – Был бы ты полноценным вампиром или оборотнем, такие царапины заросли бы без всякой дезинфекции и бинтов меньше чем за сутки. Это им в случае чего-то более серьезного приходится ждать полнолуния, чтобы полностью восстановиться.

– А серьезное для них – это что?

– Ну, рука там оторванная, глаз выбитый или кровопотеря при множественных ранениях, от которых человек бы сразу загнулся, – пояснил Папа Джумбо. – Мясо же при поверхностных ранах – тьфу, чуть не на глазах затягивается.

Сочтя сказанное шуткой, я хмыкнул и спросил:

– Что ж, сейчас я, получается, неполноценный?

– Сейчас ты кандидат на тот свет, – веско сказал Папа. – Жить которому осталось один день.

– И одну ночь? – уточнил я.

Этот разговор про книжно-киношную нечисть и невозмутимый вид явно прикальывающегося Папы меня позабавил. Никогда не думал, что мой работодатель может нести всякую чушь с таким невозмутимым видом. Хотя Папу, укуренного в хлам африканской травой, я раньше тоже не видел. Поэтому его дело, пусть развлекается.

– Ночи ты не переживешь, – сказал Папа. После чего выколотил прямо об подлокотник потухшую трубку, пожевал полными губами, видимо анализируя, чего ему еще не хватает для полного счастья, и заорал зычно:

– Нга!

Как уже упоминалось, голос у Папы был как у нашего зама по тылу – на другом конце полка слышать без мегафона.

Доносящийся из коридора храп прервался. После чего почти сразу скрипнула дверь, раздались шаркающие шаги, и в комнату вплыл худой чернокожий пацан в цветастой рубашке, широких штанах и перепутанных со сна дредах, отчего казалось, что на голове у него поселилась стая крупных пауков, передравшихся с осьминогами.

«Однако шустро пацан подорвался, – отметил я про себя. – Похоже, у них тут иерархия как в армии и Папа что-то вроде дембеля со стажем».

Окинув взглядом сонного юношу, Папа Джумбо коротко распорядился:

– Воды.

Юноша качнулся, устоял и отправился в коридор, достаточно ловко огибая встречающийся на пути хлам. Где-то – видимо, на кухне – хлопнула дверь холодильника, после чего юноша вплыл в комнату, досыпая прямо на ходу и при этом достаточно уверенно держа в руке пластиковую бутылку «Шишкиного леса».

Папа принял требуемое, высосал половину, дергая мощным кадыком, после чего причмокнул довольно и бросил:

– Свободен.

Не говоря ни слова, сомнамбула развернулся – и звуки повторились в обратном порядке. Шарканье, скрип двери и почти сразу храп, присоединившийся к соло, которое, кстати, все это время так и не прерывалось.

– Племянник мой, – пояснил Папа. – Здесь живет со своей бабой. Раздолбай редкостный, тупой, как полено до того, как из него сделали Буратину. Но исполнительный. Так что имей в виду, пока будешь здесь кантоваться, можешь этого антропоморфного дендромутанта засылать куда потребуются. Разрешаю.

Подивившись про себя способности Папы генерировать сложные определения, я еще раз окинул взглядом убогий интерьер комнаты и честно сказал:

– Неохота мне как-то племянника напрягать. Может, я домой?

– Дело твое, – пожал плечами Папа. – И то правда, чего целый день ждать, пока раны снова откроются и все мясо с

костями через них гноем истечет? Лучше уж сразу.

– За что мне такие ужасы? – удивился я.

– Закон природы, – веско ответил Папа. – Укушенному нелюдем жить до новолуния. А новолуние у нас через... – Папа глянул на календарь и прищурился, – через четырнадцать часов. И тогда либо перерождение, либо смерть. Хотя, если хочешь, расскажу подробнее.

Я кивнул. В вампиров, оборотней и другие сказки я не верил, зато верил в чудеса современной медицины. Как знать, может, Папа за время рассказа отойдет от своей этнической травы и все-таки расколется, что за секретный регенерирующий препарат он мне вколол.

Но оказалось, что от сказок мне не отвертеться.

– Тебя вчера укусили сначала вампир, а потом оборотень, – сообщил мне Папа, степенно набивая трубку по второму заходу. Я подумал, что ближе к третьей трубке меня, наверно, укусит самолично Кощей Бессмертный. Но предпочел помалкивать.

– Вообще-то вампиры и оборотни имеют общих предков с людьми, – продолжил Папа. – Но сами они считают по-другому. Кровососы ведут свою родословную от Каина, оборотни – от Вениамина, тоже библейского персонажа. Но от кого бы они их ни вели, на выходе мы имеем примерно равных по силе и интеллекту особей со схожим обменом веществ, но с несколько различным набором способностей. И те и другие похожи на людей тем, что любят деньги, власть, а также

хорошо пожрать, нормально выпить, красиво потрахаться – ну, список можно продолжить, здесь, думаю, ясно. Отличает их от нашего брата лишь любовь к свежей крови, предпочтительно человеческой. Ну, ликаны еще мясо любят. Некоторые даже больше, чем кровь.

– Ликаны – это...

–оборотни так себя называют, – пояснил Папа Джумбо.

– Про ликантропию слышал?

Я кивнул.

– Болезнь такая. Когда человек себя волком считать начинает.

– Вот-вот. От греческого «ликос» – волк. Только здесь все взаправду. По желанию человек превращается в волка, так же как вампир может стать тварью, сильно смахивающей на гигантскую летучую мышь. Кстати, людей они называют «хомо». Заметь, пропуская сапиенс, так как считают их чем-то средним между ходячими консервами и тупой рабочей силой.

– Ишь ты, – хмыкнул я. – А люди как их называют?

– Иногда люди называют их нечистой, но они этого очень не любят. А вообще-то с древних времен славяне называли их нежитью. Или нелюдьми, что на мой взгляд более верно. Не мертвые они, совсем не мертвые. Живут, причем на всю катушку. Так что любой хомо обзавидуется. А вот что нелюди они – это точно. Общие только предки да внешний вид. Остальное все разное, начиная от уровня жизни и заканчи-

вая обменом веществ.

– А если человек начнет пить кровь сородичей или жрать их вместо говядины, то он может стать нелюдем? – поинтересовался я. Не любопытства ради, а только чтоб Папу не обидеть и разговор поддержать.

– Не получится, – покачал головой Папа, с удовольствием затягиваясь вновь разожженной трубкой. – Обычному человеку пить кровь соплеменников и есть их мясо полезно лишь в тех случаях, когда он испытывает белковый дефицит. Например, раньше в Африке каннибализм был обусловлен именно отсутствием либо малочисленностью домашнего скота. А современные вампирские кланы есть следствие возникшей в Средние века во Франции массовой вспышки порфирии. Это болезнь такая, при которой организм не может произвести основной компонент крови – красные тельца, которые вампиры приспособились получать извне. Отсюда и другой обмен веществ, и некоторые весьма полезные способности. До этого болезнь встречалась достаточно редко и до кланов дело не доходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.